

ВРЕМЯ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Цена 80 Марок
Preis 80 Mark

Подписная цена
в Германии 250 марок
в месяц

Цена объявлений:
Почт. т. 60 мар.
за 10 строк в 10 строк
в течение 10 дней
Скидки по договоренности.

№ 237

Берлин, Понедельник 29 января 1923 г.

Год издания V

Винный Ресторант
FAUN
БЕРЛИН, В. С.
Фридрихсбург 180
Телефон 1124, 1125.
Удобнейшие Минимумы
В 11 ч. завтрак и обед, в 3 ч. ужин, в 7 ч. ужин.

„Синяя Птица“
Goethestr. 9. — Тел. Моланда. 16-15
Спектакли ежедневные, начало в 8 ч. 15 м.
Третья наша программа.

Письмо из России.

Одним из русских журналистов, проживающим в Берлине, получено недавно письмо из Петрограда. Письмо это представляет несомненный интерес и касается, главным образом, вопроса о возможности выпускать частное издание, газету или журнал, в Петрограде.

Приводим отрывки из письма.

... Вы затронули в ваших последних письмах столько вопросов, что исчерпывающе ответить на некоторые все равно невозможно, почему основная цель моего послания сравнительно ознакомила Вас с основными вопросами наиболее Вас интересующими — возможности издания частной газеты, — вопросом категории «частной инициативы», — вопросом близким стоящим к общему положению вещей в России. Поскольку я стараюсь насколько осветить такую возможность в принципе, постольку должен буду затронуть это общее. Первое, что затронул в Ваших письмах — это полное отсутствие возможности издания частной газеты, в России. Поскольку я стараюсь насколько осветить такую возможность в принципе, постольку должен буду затронуть это общее.

LIBERTY
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОКАВАРЭ
Первоклассная русская кухня
Садовский в роли оркестра
Цены весьма умеренны

Муза тоски и скорби.

«Когда звенят оружие, молчат музы». Так говорили древние римляне. Только великие художники настолько вдумались в себя, что могут извлекать своему искусству. Так великий Рим, гордый своим победоносным оружием, извлек своим музам на время войны. Великий перекрывали рывки в копьях и хронистки брали тушь в руки лишь для того, чтобы увековечить на пергамент новых побед римского геня.

Музы комедии и трагедии, муза танца, источник смеха и радости, склоняли тогда свои головы и прятали свои застывшие в выразительности маски. Муза истории, Клио, еще не обладала ни светочувствительной пленкой, ни масляной или типографской краской, чтобы запечатлеть историю вчерашнего дня. Но когда началась война, одна из муз — муза тоски и скорби — права и признавала, под звон оружия, к новому творчеству, муза тоски и скорби.

Муза тоски и скорби.

«Когда звенят оружие, молчат музы». Так говорили древние римляне. Только великие художники настолько вдумались в себя, что могут извлекать своему искусству. Так великий Рим, гордый своим победоносным оружием, извлек своим музам на время войны. Великий перекрывали рывки в копьях и хронистки брали тушь в руки лишь для того, чтобы увековечить на пергамент новых побед римского геня.

Музы комедии и трагедии, муза танца, источник смеха и радости, склоняли тогда свои головы и прятали свои застывшие в выразительности маски. Муза истории, Клио, еще не обладала ни светочувствительной пленкой, ни масляной или типографской краской, чтобы запечатлеть историю вчерашнего дня. Но когда началась война, одна из муз — муза тоски и скорби — права и признавала, под звон оружия, к новому творчеству, муза тоски и скорби.

Муза тоски и скорби.

«Когда звенят оружие, молчат музы». Так говорили древние римляне. Только великие художники настолько вдумались в себя, что могут извлекать своему искусству. Так великий Рим, гордый своим победоносным оружием, извлек своим музам на время войны. Великий перекрывали рывки в копьях и хронистки брали тушь в руки лишь для того, чтобы увековечить на пергамент новых побед римского геня.

Музы комедии и трагедии, муза танца, источник смеха и радости, склоняли тогда свои головы и прятали свои застывшие в выразительности маски. Муза истории, Клио, еще не обладала ни светочувствительной пленкой, ни масляной или типографской краской, чтобы запечатлеть историю вчерашнего дня. Но когда началась война, одна из муз — муза тоски и скорби — права и признавала, под звон оружия, к новому творчеству, муза тоски и скорби.

СОДЕРЖАНИЕ.

Робурь: Муза тоски и скорби. Письмо из России. Б. Алмазов: „Грядущее“ Австрии. А. Вершковский: Замытки фантазера. Убийство Эйхгорна. Частный банк в России. Предсказания Мимозы.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

Старая пьеса о новой интервенции нашедшая свой отклик в России, концентрация русских армий на границах, скрытая мобилизация в Польше, молчаливое, в глубинах бурлящее негодование германского народа, шальная французская карта вавилон на Руур — все это представляется широкое поле для фантазии.

И если принять в расчет, что жить сейчас той фантазии, которая не имела бы под собой доли реальности, основанной, живущих в потаенной психологии Европы, отчего же не фантазировать, оговорившись об этом варианте и попросив считать глубочайших извешений в читателя.

Муза тоски и скорби.

Муза тоски и скорби — это те великие инстинкты, из которых родилось искусство, родилось для удовлетворения личной тоски творца, для погашения личной скорби сотворившего. Поэзия в сущности никогда не создавалась для опубликования, скрупултура для чьих либо зрительных эмоций. Литература стала размножаться на свитках или печататься на бумаге, когда она уже была велика и бессмертна. И живопись была красна и красочна еще тогда, когда не было выставок и аукционов, а первобытный человек уже водил природной краской по широкой обложке кости.

Муза тоски и скорби.

Муза тоски и скорби — это те великие инстинкты, из которых родилось искусство, родилось для удовлетворения личной тоски творца, для погашения личной скорби сотворившего. Поэзия в сущности никогда не создавалась для опубликования, скрупултура для чьих либо зрительных эмоций. Литература стала размножаться на свитках или печататься на бумаге, когда она уже была велика и бессмертна. И живопись была красна и красочна еще тогда, когда не было выставок и аукционов, а первобытный человек уже водил природной краской по широкой обложке кости.

Муза тоски и скорби.

Муза тоски и скорби — это те великие инстинкты, из которых родилось искусство, родилось для удовлетворения личной тоски творца, для погашения личной скорби сотворившего. Поэзия в сущности никогда не создавалась для опубликования, скрупултура для чьих либо зрительных эмоций. Литература стала размножаться на свитках или печататься на бумаге, когда она уже была велика и бессмертна. И живопись была красна и красочна еще тогда, когда не было выставок и аукционов, а первобытный человек уже водил природной краской по широкой обложке кости.

Замытки фантазера.

Старая пьеса о новой интервенции нашедшая свой отклик в России, концентрация русских армий на границах, скрытая мобилизация в Польше, молчаливое, в глубинах бурлящее негодование германского народа, шальная французская карта вавилон на Руур — все это представляется широкое поле для фантазии.

Муза тоски и скорби.

Муза тоски и скорби — это те великие инстинкты, из которых родилось искусство, родилось для удовлетворения личной тоски творца, для погашения личной скорби сотворившего. Поэзия в сущности никогда не создавалась для опубликования, скрупултура для чьих либо зрительных эмоций. Литература стала размножаться на свитках или печататься на бумаге, когда она уже была велика и бессмертна. И живопись была красна и красочна еще тогда, когда не было выставок и аукционов, а первобытный человек уже водил природной краской по широкой обложке кости.

Муза тоски и скорби.

Муза тоски и скорби — это те великие инстинкты, из которых родилось искусство, родилось для удовлетворения личной тоски творца, для погашения личной скорби сотворившего. Поэзия в сущности никогда не создавалась для опубликования, скрупултура для чьих либо зрительных эмоций. Литература стала размножаться на свитках или печататься на бумаге, когда она уже была велика и бессмертна. И живопись была красна и красочна еще тогда, когда не было выставок и аукционов, а первобытный человек уже водил природной краской по широкой обложке кости.

Муза тоски и скорби.

Муза тоски и скорби — это те великие инстинкты, из которых родилось искусство, родилось для удовлетворения личной тоски творца, для погашения личной скорби сотворившего. Поэзия в сущности никогда не создавалась для опубликования, скрупултура для чьих либо зрительных эмоций. Литература стала размножаться на свитках или печататься на бумаге, когда она уже была велика и бессмертна. И живопись была красна и красочна еще тогда, когда не было выставок и аукционов, а первобытный человек уже водил природной краской по широкой обложке кости.

Муза тоски и скорби.

Муза тоски и скорби — это те великие инстинкты, из которых родилось искусство, родилось для удовлетворения личной тоски творца, для погашения личной скорби сотворившего. Поэзия в сущности никогда не создавалась для опубликования, скрупултура для чьих либо зрительных эмоций. Литература стала размножаться на свитках или печататься на бумаге, когда она уже была велика и бессмертна. И живопись была красна и красочна еще тогда, когда не было выставок и аукционов, а первобытный человек уже водил природной краской по широкой обложке кости.

Муза тоски и скорби.

Муза тоски и скорби — это те великие инстинкты, из которых родилось искусство, родилось для удовлетворения личной тоски творца, для погашения личной скорби сотворившего. Поэзия в сущности никогда не создавалась для опубликования, скрупултура для чьих либо зрительных эмоций. Литература стала размножаться на свитках или печататься на бумаге, когда она уже была велика и бессмертна. И живопись была красна и красочна еще тогда, когда не было выставок и аукционов, а первобытный человек уже водил природной краской по широкой обложке кости.

Муза тоски и скорби.

Муза тоски и скорби — это те великие инстинкты, из которых родилось искусство, родилось для удовлетворения личной тоски творца, для погашения личной скорби сотворившего. Поэзия в сущности никогда не создавалась для опубликования, скрупултура для чьих либо зрительных эмоций. Литература стала размножаться на свитках или печататься на бумаге, когда она уже была велика и бессмертна. И живопись была красна и красочна еще тогда, когда не было выставок и аукционов, а первобытный человек уже водил природной краской по широкой обложке кости.

Муза тоски и скорби.

Муза тоски и скорби — это те великие инстинкты, из которых родилось искусство, родилось для удовлетворения личной тоски творца, для погашения личной скорби сотворившего. Поэзия в сущности никогда не создавалась для опубликования, скрупултура для чьих либо зрительных эмоций. Литература стала размножаться на свитках или печататься на бумаге, когда она уже была велика и бессмертна. И живопись была красна и красочна еще тогда, когда не было выставок и аукционов, а первобытный человек уже водил природной краской по широкой обложке кости.

Муза тоски и скорби.

Муза тоски и скорби — это те великие инстинкты, из которых родилось искусство, родилось для удовлетворения личной тоски творца, для погашения личной скорби сотворившего. Поэзия в сущности никогда не создавалась для опубликования, скрупултура для чьих либо зрительных эмоций. Литература стала размножаться на свитках или печататься на бумаге, когда она уже была велика и бессмертна. И живопись была красна и красочна еще тогда, когда не было выставок и аукционов, а первобытный человек уже водил природной краской по широкой обложке кости.

Представительство газ. „ВРЕМЯ“
на
Дальнем Востоке
принимать подписки и размещать заказы
Космополитический Центр
Харбинь
Шенхай ул. д. № 5 Р. О. Бок 259